

АВСТРО-ВЕНГРИЯ—«МОДЕЛЬ» ИНТЕГРАЦИИ ЕВРОПЫ

В. М. Турок

В исторической литературе значительное внимание уделяется важной и весьма сложной проблеме, а именно роли Австро-Венгрии в Европе на различных этапах существования монархии Габсбургов. Хотя марксистская историография с некоторым опозданием начала широким фронтом разработку этого круга вопросов, тем не менее историки-марксисты уже добились существенных результатов. Об этом свидетельствует, в частности, та положительная оценка, которая была дана в печати итогам организованной в мае 1964 г. Институтом истории венгерской Академии наук Будапештской международной конференции «Проблемы австро-венгерской монархии в 1900—1918 гг.»¹. Прочно вошли в историческую литературу многочисленные монографии венгерских, чехословацких, югославских историков, труды известного австрийского историка-марксиста Герберта Штейнера² и многих других. Ряд новых работ, посвященных истории Австро-Венгрии, появился в советской историографии³. Большое место занимает история Австро-Венгрии в ежегодниках, издаваемых Институтом славяноведения Академии наук СССР⁴.

За последние годы историки социалистических стран усилили внимание к особому направлению западногерманской исторической науки, именуемому собирательным именем «зюд-остфоршунг». Этим термином обозначается изучение истории, литературы, культуры, экономики и языка народов балканского полуострова, а также государств, возникших осенью 1918 г. на развалинах монархии Габсбургов. Как и остфоршунг, это его ответвление отнюдь нельзя рассматривать в качестве самостоятельной отрасли науки: объединяющим являются лишь географические границы исследования. Речь идет, таким образом, об изучении Юго-Восточной Европы в широком смысле, то есть о Балканах и о тех землях, которые прежде входили в состав Австро-Венгрии.

На протяжении последних лет в ФРГ заметно увеличилось число книг и статей, посвященных «юго-восточному направлению». Бросается в глаза, что в большинстве случаев авторы этих работ сочиняют похвальные оды Дунайской монархии и ее императорам, в особенности Францу-Иосифу. Увлекаясь идеей интеграции Европы, западногерманские историки пытаются найти прообраз интеграции в историческом прошлом. Их внимание привлекает при этом многонациональная монархия Габсбургов, которую и пробуют изобразить в качестве достойно-

¹ См. о Будапештской конференции в данном номере журнала отчет Л. Кёваго, а также сообщения итальянского профессора Эрнесто Раджонери («Unita», 26.V.1964), историка из ГДР Мартина Цэллера («Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1964, № 6).

² H. Steiner. Die Arbeiterbewegung Österreichs 1867—1889. Wien. 1964.

³ См. Г. Ф. Сухомлинова. Проблемы австро-венгерской революции 1918 г. в новейшей советской историографии. «Вопросы истории», 1965, № 2.

⁴ «Славяно-германские исследования». М. 1963; «Славяно-германские отношения». М. 1964.

го подражания примера добровольного объединения интегрированных народов. Конечно, такого рода модернизация истории обречена на провал, как и всякая модернизация, стремящаяся втиснуть многогранную историю человечества в прокрустово ложе предвзятых концепций. Западногерманским авторам работ по зюд-остфоршунгу не могут помочь ни знание фактов, ни внешний лоск, ни мощный научный аппарат. Историческая наука жестоко мстит тем историкам, которые ставят свои знания на службу мимолетным веяниям буржуазной политики, столь же быстро уходящим, как и возникающим. Что касается западной и западногерманской исторической литературы, то вряд ли в настоящее время приходится доказывать, что нельзя трактовать всех современных историков Западной Германии в качестве единой реакционной массы. Среди западногерманских историков, как и среди всей интеллигенции Западной Германии, происходит процесс непрерывной дифференциации, хотя и очень замедленный. Об этом процессе свидетельствует уже то любопытное обстоятельство, что крупное штутгартское издательство недавно закончило выпуск в свет шеститомного собрания сочинений К. Маркса, включая «Капитал». А такой далекий от марксизма западногерманский социолог, как Иринг Фетчер, в рецензии на издание писал: «Это выдающееся пособие необходимо для работы в области общественных наук каждому начинающему историку и научному работнику»⁵.

Конечно, от чтения трудов К. Маркса еще далеко до понимания его учения. Виной тому, в частности, страшное наследие фашизма. В Веймарский период многие немецкие буржуазные историки создали интересные работы, несмотря на то, что в значительной степени эти работы и были обесценены идеями пангерманизма, стремлением доказать превосходство немецкой культуры, попытками оправдать действия германских империалистических политиков и дипломатов на Балканах и т. п. Гитлеризм, убивший германскую историческую науку, превратил также изучение Юго-Восточной Европы в отравленное оружие захватнической политики нацизма. Уничтожая огнем и мечом национальную самостоятельность народов Европы, возводя национализм и шовинизм до уровня расистского безумия, гитлеровцы вместе с тем распространялись о вреде национализма и о пользе объединения малых народов под эгидой германского империализма. В издававшемся в Вене после захвата Австрии гитлеровском еженедельном листке «Südost-Echo» в разгар войны можно было прочесть, что «идейная победа национализма» раздробила австро-венгерскую монархию. «Возникло множество новых, в том числе очень малых национальных государств, которые в соответствии с общей тенденцией всеми силами старались содействовать раздроблению Европы тем, что во что бы то ни стало стремились к экономической автаркии. Конечно, многим из этих государств трудно теперь продолжать эти действия, так как двадцатилетие принесло потрясающее доказательство того, что в будущем малые государства в еще меньшей степени, чем в прошлом, могут существовать такими, какими они были в 1919 году. Во имя собственного блага они должны пожертвовать даже частью собственного суверенитета для создания европейской общности»⁶. В этих словах сформулировано основное содержание тех понятий, которые фашисты вкладывали в свой зюд-остфоршунг.

В годы фашистской диктатуры в Германии были созданы специальные институты, использовавшие зюд-остфоршунг для подготовки и проведения нацистской агрессии в Юго-Восточной Европе и для воспитания и обучения агентов германского империализма. В этих целях зюд-остинститут, существовавший в Мюнхене еще с 1930 г., был реорганизован, а в 1935 г. при Германской академии наук была создана юго-восточная

⁵ «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 10.IX.1964.

⁶ «Südost-Echo», 7.XI.1941.

комиссия; в 1936 г. в Лейпциге возник Институт Юго-Восточной Европы, и, наконец, в 1941 г. при старом Институте Восточной Европы во Вроцлаве были образованы специальные отделы по изучению Венгрии, Румынии, Югославии и Болгарии.

После разгрома фашистской Германии Лейпциг и Вроцлав, к великому огорчению западногерманских реваншистов, оказались вне пределов их досягаемости. Тем самым была разрушена и парализована прежняя система юго-восточных институтов. Она начала возрождаться на новой, западногерманской основе лишь в начале 50-х годов. В 1951 г. снова начал функционировать мюнхенский институт, директором которого был назначен Ф. Вальявец. В 1952 г. в Мюнхене возникло Общество Юго-Восточной Европы, которым руководили В. Гюлих и Ф. Вальявец. После смерти обоих, в 1960 г., председателем общества стал Р. Фогель. Общество Юго-Восточной Европы — далеко не научное объединение, и о его характере может дать представление уже то обстоятельство, что вице-председателем общества является такой реваншист, как В. Якш. Служебный характер общества в качестве проводника внешнеполитических интересов правительства ФРГ открыто признается в официальных документах общества⁷.

Среди монографий и статей, публикуемых Обществом Юго-Восточной Европы и мюнхенским институтом, можно встретить большое количество работ, не имеющих никакого отношения к науке и продиктованных лишь ненавистью авторов к социализму вообще и народам социалистических стран в частности. В «юго-восточных исследованиях» активно участвуют реакционные эмигранты и перемещенные лица, которых привлекают к этим изданиям, в частности, благодаря их знанию языков стран Юго-Восточной Европы. Редкий историк Западной Европы в состоянии читать источники, например, на венгерском языке. Поэтому эмигрантам удавалось внедряться даже там, куда их не всегда охотно приглашали⁸.

В последнее время, когда реалистическое восприятие действительности перестало быть чуждым даже реакционной части западных историков, антинаучная деятельность эмигрантов все чаще встречает отрицательное отношение. Так, член правления штутгартского Общества изучения Восточной Европы, профессор университета в Граце (Австрия) И. Матль заявил на сессии Общества Юго-Восточной Европы в мае 1961 г.: «Изучая вопросы новой и новейшей политической истории, историк попадает в рискованное положение. Недавний исторический период третьей империи со всеми его горестными последствиями показывает нам, сколько вреда могут принести шовинистическое самопревозношение и незнание предмета. Изучая новейшее политическое развитие стран Юго-Восточной Европы, мы почти неминуемо подвергаемся опасности: либо некритически воспринимать официальное или официозное изложе-

⁷ См., например, доклад, который сделал в декабре 1961 г. на общем собрании общества профессор университета в Мюнстере Ф. Роннебергер (F. Ronneberger. Vorschläge zur Einordnung der Südosteuropa-Forschung in die Aufbaupläne der Deutschen Hochschulen. München. 1962, S. 15, 21). В 1935—1939 гг. Роннебергер был ассистентом в мюнхенском зюд-остинституте, а в годы второй мировой войны — чиновником юго-восточного бюро корреспондентского пункта гитлеровского министерства иностранных дел.

⁸ Г. Бенедикт возвел незнание венгерского языка как бы в ранг неизбежности: «Нельзя требовать от невенгерского историка знания трудного венгерского языка... Историк вынужден обращаться к написанным на немецком, английском или французском языке часто малонадежным книгам и статьям» («Historische Zeitschrift», 1961, Bd. 192, Hf. I, S. 137). Однако дело, очевидно, не только в языковых трудностях. Литературе по истории Австро-Венгрии на русском языке западногерманские и австрийские историки также не уделяют почти никакого внимания (за исключением работ русского историка дооктябрьского периода П. Митрофанова). Мало используются в западногерманской и австрийской историографии работы на чешском и сербо-хорватском языках, хотя эти языки не так уж трудны.

ние истории в нынешних юго-восточных странах, либо плавать на буксире эмигрантских интересов и служить их пропагандистским целям»⁹. Между тем Матль отнюдь не отличается левизной взглядов: югославский историк Мирьяна Гросс именует его «бывшим гестаповцем»¹⁰.

Разумеется, выступление Матля было направлено не столько против эмигрантской литературы, сколько против марксистской историографии: Тем не менее оно отражает нежелание некоторых буржуазных историков печатать свои исследования в одном переплете с опусами пропагандистов «холодной войны». Проявления недовольства чрезмерной активностью эмигрантских литераторов и сдержанное отношение к их материалам можно встретить и у некоторых других западных историков. Например, Ф. Вальявец незадолго до своей смерти предостерегал своих коллег, что «свидетельства, опирающиеся на сообщения эмигрантских политиков, нуждаются в дополнительных подтверждениях для того, чтобы можно было считать их научно обоснованными»¹¹. Естественно, что не всем западным историкам нравится крикливость Э. Францеля, В. Якша, Дурчанского и многих других реваншистов и военных преступников, выступающих на страницах журналов и сборников Западной Германии.

В изучении Юго-Восточной Европы принимают участие многие серьезные западногерманские историки. Их работы часто написаны на основе исследования интересных и важных архивных документов и содействуют освещению целого ряда малоизвестных событий и фактов из жизни народов Юго-Восточной Европы. Кроме того, ценные исследования созданы историками, занимающимися общими проблемами внешней политики Германии в эпоху империализма. Достаточно упомянуть проживающего в США немецкого историка Г. Хальгартена.

Привлекает внимание работа Ф. Фишера, явившаяся результатом изучения немецких и австрийских архивов. Как констатировал историк ГДР Фриц Клейн, исследование Фишера нарушило единство буржуазной историографии, доказывавшей миролюбие вильгельмовской Германии¹². Монография, показавшая истинные цели германского империализма в первой мировой войне, вызвала в Западной Германии бурные дискуссии. Фишер, в частности, говорит о том, что накануне первой мировой войны чрезвычайно усиливалось экономическое и политическое подчинение монархии Габсбургов Берлину и что для Германии «Австро-Венгрия была лишь мостом к Юго-Восточной Европе»¹³. Ф. Фишер вскрыл истинное содержание империалистических планов «Срединной Европы», опроверг пропагандистские рассуждения тех западногерманских историков, которые до сих пор изображают планы Фридриха Наумана и германских государственных и военных деятелей периода 1914—1918 гг. как благодетяние для народов Дунайского бассейна. В изложении Фишера политика вильгельмовской Германии — это политика порабощения своего собственного австрийского союзника и одновременно захвата огромной территории: «Срединная Европа никоим образом не ограничивалась слиянием Германии и Австро-Венгрии, но должна была охватить также значительную часть Западной, Восточной и Юго-Восточной Европы. В качестве буферных государств, близко примыкающих к Германии в политическом, военном, экономическом и культурном отношениях, намечались Бельгия, Польша, Финляндия, Румыния, Украина,

⁹ J. Matl. Zukunftspläne der Südostarbeit («Südosteuropa-Jahrbuch». München. 1961, Bd. 6, S. 148).

¹⁰ «Jugoslovenski istorijski časopis», 1963, № 2, str. 115. Сам Матль называет себя капитаном абвера. См. *ibid.*, 1964, № 2, str. 159.

¹¹ «Historische Zeitschrift», 1959, Bd. 187, Hf. 1, S. 161.

¹² Fritz Klein. Die westdeutsche Geschichtsschreibung über die Ziele des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg («Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1962, Hf. 8).

¹³ F. Fischer. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf. 1962, S. 35.

а во второй половине войны также Прибалтика, включая Эстонию»¹⁴.

Основываясь на неопровержимых архивных документах, Фишер показал, как германское военное командование подчинило себе австро-венгерскую армию, а правительство вильгельмовской Германии распорядилось в Вене, как в оккупированной стране. В случае победы германского империализма Австро-Венгрии была уготована роль вассального государства. Такая перспектива, конечно, усиливала беспокойство многочисленных национальностей Австро-Венгрии и толкала их на путь борьбы против господства Берлина и Вены.

Монография Фишера вынудила многих историков яснее сформулировать свои взгляды и высказаться по вопросам, которые западногерманская историография обычно предпочитала обходить стороной. Влияние работ Фишера было тем сильнее, что к ним тесно примыкает по своему содержанию обстоятельно документированная монография ученика Фишера западногерманского историка И. Гейсса, посвященная политике германского империализма в Польше во время первой мировой войны. Разоблачительное значение книги Гейсса, работающего в настоящее время в боннском институте имени Фридриха Эберта, настолько велико, что книга переведена на польский язык и издана в Варшаве с кратким вступительным словом известного польского историка Я. Павевского, положительно оценившего работу Гейсса¹⁵.

После первого приступа ярости апологеты германского империализма вынуждены отступить перед убедительной силой аргументации Фишера. В передовой статье к 50-летию первой мировой войны одна из крупных газет ФРГ должна была признать: «Изложенные недавно немецким историком проф. Фрицем Фишером взгляды относительно военных целей кайзеровской Германии все еще являются предметом бурных споров. Но его взгляды по меньшей мере доказывают, что и через 50 лет дипломатические документы все же требуют некоторых уточнений»¹⁶.

Западногерманская историческая литература дополняется работами австрийских ученых, которые активно сотрудничают в исторических изданиях ФРГ. Некоторые австрийские историки перебрались после второй мировой войны в западногерманские университеты и акклиматизировались в Западной Германии (например, О. Бруннер). Естественно, что австрийские историки, живущие в ФРГ, продолжают изучать историю Австро-Венгрии, участвуя таким образом в западногерманском зюд-остфоршунге.

Западногерманская историография, как и вообще историческая литература в Западной Европе и США, проявляет большой интерес к истории Австро-Венгрии. К сожалению, кроме научных соображений, этот интерес обуславливается часто факторами, выходящими за пределы науки. Многие навязчивые идеи проникают в эти работы и превращают их в вульгаризированную публицистику, лишенную научного значения. Это прежде всего, как уже подчеркивалось выше, попытка сторонников интеграции Европы найти в истории «модель» интеграции в виде супернационального объединения. В качестве такой «модели» изображается многонациональная монархия Габсбургов, а вся история Австро-Венгрии трактуется как идиллическое существование равноправных народов, обожающих своего универсалистского и супернационального монарха. В этом отношении западногерманская историография не блещет оригинальностью и нередко заимствует интегралистские аналогии из американской литературы. Ярким образчиком такого рода модернизации

¹⁴ Ibid., S. 105.

¹⁵ I. Geiss. *Tzw. Polski Pas Graniczny 1914—1918. Przyczynek do niemieckiej polityki wojennej w czasie I wojny światowej*. Warszawa. 1964, str. 5—10.

¹⁶ «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 1.VIII.1964.

истории в угоду задачам буржуазных политиков является монография известного американского историка Р. Кэнна о монархии Габсбургов. Уже подзаголовок этой книги сам по себе свидетельствует об ее антиисторичности: «Исследование по интеграции и дезинтеграции»¹⁷. Некоторые работы Кэнна переведены на немецкий язык и тем самым вошли в общий арсенал западногерманского зюд-остфоршунга.

Независимо от выводов, к которым пришел Кэнн, его попытка примитивно-прямолинейного сравнения проектов европейской федерации с многонациональной монархией Габсбургов противоречит методам исторического исследования. Между тем Г. Герцифельд счел метод Кэнна достойным внимания для решения вопроса о том, каким образом историк при изучении прошлого может исходить из политических проблем современности¹⁸. На страницах ведущего журнала западногерманских историков встретила одобрение также большая статья Кэнна о Меттернихе, где Кэнн, рассуждая о том, не может ли внешняя политика Меттерниха служить «моделью» для современности, применил тот же антиисторический метод. Журнал писал по этому поводу: «Удивляет, но заслуживает раздумий параллель между Меттернихом и Вильсоном: оба хотели создать на основе разума наднациональную и надпартийную систему международной политики»¹⁹. Многочисленные вариации на тему об Австро-Венгрии как «модели» интеграции неоднократно повторяются в западногерманских исторических журналах и сборниках²⁰.

Стремление представить Австро-Венгрию как идеальную «модель» интеграции Европы приводит западногерманских историков к нереальной попытке изобразить распадавшуюся монархию, разбедавшуюся внутренними противоречиями, борьбой национальностей, оказавшуюся в тупике полуфеодалной отсталости, в виде гармонически-идиллического целого. Для придания этой картине хотя бы некоторой убедительности буржуазная литература сначала отделила резкой чертой домартовскую Австрию 1848 г. императора Франца и Меттерниха от Австрии и Австро-Венгрии времен Франца-Иосифа. В этом отношении еще в литературе Веймарской Германии укоренилась точка зрения Г. Србика, сформулированная им в 1924 г.: «Эта Австрия Франца и Меттерниха умерла в революции 1848 г., и Австрия, распавшаяся в 1918 г., не была государством, унаследованным от Франца, а являлась Австрией Франца-Иосифа. Эта Австрия была разрушена по крайней мере в равной степени как безумной брутальностью извне, так и разрушительными внутренними силами»²¹.

Однако в дальнейшем западногерманская историография пересмотрела прежние либеральные взгляды на императора Франца, а затем и на Меттерниха. Новая эпоха, переживаемая буржуазией, требовала превращения тирана в положительного героя. Этот своеобразный переворот в исторической науке и совершил Србик, создав легенду о Меттернихе. Работы Србика оказали огромное воздействие на всю буржуазную историографию, особенно австрийскую и немецкую. Его реакционное влияние еще более усилилось после второй мировой войны в связи с общим сдвигом вправо, происходившим в эти годы среди историков Западной Германии.

После опубликования Србиком в 1925 г. в Мюнхене двухтомной биографии Меттерниха гейдельбергский историк К. Бринкман в общем правильно отметил причину этого превращения: «Србиковская биогра-

¹⁷ R. A. Kann. The Habsburg Empire. A Study in Integration and Disintegration. New York. 1957.

¹⁸ «Historische Zeitschrift», 1961, Bd. 192, Hf. 3, S. 670.

¹⁹ Ibid., S. 773.

²⁰ Подробнее об этом см.: В. М. Турок. Многонациональная монархия Габсбургов в освещении современной западной историографии («Славяно-германские отношения». М. 1964).

²¹ «Historische Zeitschrift», 1924, Bd. 130, Hf. I, S. 129.

фия Меттерниха, являющаяся первой крупной попыткой литературного памятника Меттерниху, без сомнения, неотделима от сильного политического и философского стремления к реставрации, которое, подобно тому, что было сто лет назад, последовало за недавней эпохой войны и революции»²².

Книга Србика переиздана в Мюнхене уже после его смерти (он умер в 1951 г.), и в 1957 г. появилось второе издание двухтомника²³. Несколько ранее, но также посмертно, издан в Мюнхене третий том, который Србик закончил в 1950 году. Этот том представляет собой огромный историографический обзор литературы и публикаций источников о Меттернихе. Србик в точности повторил здесь все свои прежние оценки Меттерниха. В западногерманской исторической литературе переиздание работы Србика и появление третьего тома встретило восторженный прием²⁴. Попытка В. Библия в свое время противопоставить Србику собственную трактовку Меттерниха как «демона Австрии», виновного в конечном итоге в крушении и распаде монархии, была почти единодушно и притом необычайно резко осуждена в тогдашней немецкой и австрийской исторической литературе. Многолетний спор концепций двух давно умерших историков продолжается до сих пор с неизменным перевесом в пользу Србика²⁵.

В предисловии к третьему тому Србик подводил итог своей 72-летней жизни: «На протяжении времени, превышающем жизнь одного поколения, я рассматривал свою деятельность историка в качестве моральной задачи на службе научного идеала и на службе моей австрийской родины, немецкого народа и культурного человечества»²⁶. Служение своей австрийской родине Србик понимал весьма своеобразно. Известно, что при подготовке австро-германского соглашения от 11 июля 1936 г., открывшего ворота фашистскому вторжению в Австрию, Србик служил посредником между фон Папенем, нелегальными австрийскими гитлеровцами и Шушнигом. А после захвата Австрии гитлеровской Германией в марте 1938 г. Србик не замедлил приветствовать палачей своей родины: «Старая восточная марка вернулась в состав рейха... Час самостоятельной государственности Австрии окончательно миновал... Один народ, одно государство»²⁷.

Широкое распространение србиковской трактовки монархии Габсбургов и, в частности, роли Меттерниха объясняется тем, что наиболее реакционная часть западногерманских историков с восторгом воспринимает похвалы режиму самовластья и прелестям кнута. В этом и заключается основная причина длительного успеха работ Србика о Меттернихе среди историков Западной Германии²⁸.

Антикоммунизм является той навязчивой идеей, которая лишает сторонников србиковских концепций возможности объективно изучить роль и место монархии Габсбургов в истории народов Юго-Восточной Европы. Западногерманские антикоммунисты на разные лады повторяют одну и ту же мысль, которую в свое время пропагандировал гитле-

²² «Historische Zeitschrift», 1926, Bd. 134, Hf. 3, S. 576.

²³ H. R. von Srbik. Metternich. Der Staatsmann und der Mensch. Bd. 1—2. München. 1957.

²⁴ См., например, «Historische Zeitschrift», 1960, Bd. 190, Hf. 3, S. 592—594.

²⁵ См. A. G. Haas. Metternich, Reorganisation and Nationality 1813—1818. A Story of Foresight and Frustration in the Rebuilding of the Austrian Empire. Wiesbaden. 1963, p. 3.

²⁶ H. R. von Srbik. Metternich. Der Staatsmann und der Mensch. Bd. III. Quellenveröffentlichungen und Literatur. Eine Auswahlübersicht von 1925—1952. München. 1954, S. 1.

²⁷ «Neue Freie Presse», 27.III.1938.

²⁸ Подробнее о трактовке Меттерниха в буржуазной литературе см.: K. Obermann. Bemerkungen über die bürgerliche Metternich-Forschung. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1958, № 6.

ровский зюд-остфоршунг, а именно что государства Юго-Восточной Европы, возникшие в результате распада Австро-Венгрии, являются искусственными образованиями, результатом иностранного вмешательства. Так, оправдывая поведение судетских фашистов, Э. Францель писал о Чехословакии: «Каждый знал, что это государство возникло не в результате силы чешского народа, и что только на основе этой силы оно не могло бы жить ни одного часа. Оно было продуктом французского стремления к гегемонии и результатом победы союзников»²⁹. Как и многие другие авторы из числа реваншистов, Францель игнорирует наличие внутренних факторов, определивших распад Австро-Венгрии и сделавших его неизбежным задолго до того, как Парижская мирная конференция 1919 г. начала обсуждать судьбы Юго-Восточной Европы.

По отношению к некоторым работам западногерманских историков, посвященным истории Австро-Венгрии, уместно напомнить характеристику, которую почти полвека тому назад дал тогдашней литературе по истории монархии Габсбургов П. Митрофанов: «Во-первых, лингвистические трудности при разноязычии лоскутной монархии, а во-вторых, те методологические затруднения, которые возникают при стремлении изобразить цельную и полную картину событий в таком государственном комплексе, где не было и нет как раз ни полноты, ни цельности. Результаты получились довольно печальными: австрийцы и иноземцы усердно и удачно изучают историю отдельных провинций, выпускают в печать целые вороха архивных материалов, с любовью освещают отдельные вопросы экономической, культурной, политической и т. д. жизни — но ученый мир так и не дождался монографий ни про одного почти крупного исторического деятеля и ни про одну знаменательную историческую эпоху в Австрии, а что и есть, не делает чести истории и ее адептам»³⁰.

Для доказательства того, что народы Австро-Венгрии были вполне довольны своей судьбой, некоторые, даже серьезные, западногерманские историки прибегают к совершенно антинаучной аргументации. Так, в сборнике, изданном в Мюнхене в честь 80-летия известного австрийского историка Г. Штейнакера, можно прочитать следующее утверждение А. Хельбока, свидетельствующее о настроениях в славянских землях монархии: «Здесь не происходило германизации и вообще никто не оказывал давления. Еще сегодня старики в этих землях привержены к Австрии и считают, что в дальнейшем никогда им не жилось так хорошо»³¹. С помощью такой аргументации можно было бы свободно доказать, что в каменном веке жилось лучше: если сохранился бы какой-нибудь старик тех времен, то, вероятно, он с наслаждением вспоминал бы свою молодость и сожалел бы о добром старом времени. Такая аргументация довольно странно звучит в устах ученого-историка. Между тем статья Хельбока не является исключением. В том же сборнике помещены воспоминания известного западногерманского историка В. Шюслера о впечатлениях его молодых лет при путешествии по Австро-Венгрии летом 1913 г.: «Каково было самое глубокое впечатление от поездки?.. Тот факт, что немецкий язык был повсеместным так же, как и венская культура и венский образ жизни. Для того, чтобы понять старую Австрию, надо было побывать в Черновице, в Кронштадте, в Будапеште или Аграме, в Праге или Брюнне, или в Сараево и почувствовать огромную силу, излучаемую между Альпами и венгерской

²⁹ E. Franzel. Die sudetendeutsche Politik 1918—1938. «Donauraum», 1960, № 4, S. 223.

³⁰ П. Митрофанов. Леопольд II Австрийский. Внешняя политика. Т. 1, часть I. Петроград, 1916, стр. 2.

³¹ A. Helbok. Der Westen und die Welt. «Festgabe dargebracht Harold Steinacker zur Vollendung des 80 Lebensjahres». München. 1955, S. 290.

равниной Веной, этим несравненным императорским городом. Надо было почувствовать старую императорско-королевскую армию с ее 70% немецких офицеров, с немецким общеармейским языком, с ее старыми гордыми традициями. Армия с общим языком солдат была символом подлинной будущей Австрии, с ее свободой всех народов, объединенных высшими узами»³².

Шюсслеру можно ответить словами близкого ему по духу Р. Кислинг, который в данном случае не предавался воспоминаниям юности, а перечислял общеизвестные факты, относившиеся именно к периоду балканских войн. Кислинг писал: «Во время балканского кризиса 1912—1913 гг. многочисленные чешские резервисты не подчинились приказу о мобилизации. В Восточной Галиции на украинцев действовала руссофильская пропаганда... Прославленная преданность хорвато-словенских солдат стала сомнительной»³³. А знаменитое чешское «зде», которым, несмотря на угрозу военного суда, откликнулись чешские резервисты на переключке вместо уставного немецкого «Ниег!» В чешском ландтаге столкновения между чешскими и немецкими депутатами были настолько острыми, что на заседании ландтага невозможно было добиться хотя бы принятия повестки дня. Весной 1913 г. под угрозой оказалась даже выплата жалованья чиновникам, так как ландтаг был не в состоянии обсудить и утвердить бюджет земли»³⁴.

Таким образом, идиллическая картина старого доброго времени не выдерживает соприкосновения с исторической действительностью. И если Г. Бенедикт свою книгу об экономике Австро-Венгрии при Франце-Иосифе закончил словами: «Оглядываясь назад, историк должен констатировать, что для Дунайских, Судетских и Карпатских земель не было более счастливого времени, чем время старого императора»³⁵, то Я. Бакса отвечает в рецензии на эту книгу: «Бенедикт, видимо, намеренно умалчивает о рабочем классе, который чувствовал себя юридически и экономически угнетенным и был враждебен монархии... Наверху презирали пролетариат, но всегда его боялись. При каждой забастовке появлялись каски конной полиции и штыки солдат»³⁶.

Запись в дневнике видного государственного и банковского деятеля монархии И. Редлиха 22 июля 1913 г. гораздо реалистичнее всех рассуждений о добром старом времени: «Австрия уже открыто начала совершенно распадаться, смотри Чехию, Галицию, Далмацию»³⁷.

Даже те западные историки, которые объясняют распад Австро-Венгрии только внешнеполитическими причинами, а внутреннее положение монархии рисуют самыми розовыми красками, все же не могут игнорировать общеизвестные факты нацисальных конфликтов и поэтому ищут «виновников». Значительная часть западных историков виновниками революции 1918 г. в Австро-Венгрии считает мадьяр. Этот тезис Г. Штейнакер сформулировал в лекции о причинах распада Австро-Венгрии, прочитанной в университете в Вюрцбурге 40 лет тому назад. Соглашение 1867 г. он считал «роковой ошибкой», так как оно разрушило единство государства, и вслед за мадьярами потянулись чехи и галицийские поляки. По мнению Штейнакера, дуализм был равносильен

³² W. Schüssler. Ein Hanseat sah das alte Österreich (Ibid., S. 221).

³³ R. Kiszling. Das Nationalitätenproblem in Habsburgs Wehrmacht 1848—1918. «Donauraum», 1959, № 2, S. 88.

³⁴ B. Waldstein-Wartenberg. Der letzte Ausgleichsversuch in Böhmen vor dem Ersten Weltkrieg. «Donauraum», 1959, № 2, S. 65.

³⁵ H. Benedikt. Die wirtschaftliche Entwicklung in der Franz-Joseph-Zeit. Wien, 1958, S. 181.

³⁶ «Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung». 1958, Bd. LXVI, Hf. 3—4, S. 407.

³⁷ Дневник Редлиха через много лет после его смерти был опубликован в 1953 г. австрийским институтом исторических исследований. См. Josef Redlich. Schicksalsjahre Österreichs 1908—1919. Bd. I. Graz, 1953, S. 205.

смертному приговору монархии Габсбургов³⁸. Со времени лекции Штейнакера этот тезис бесчисленное множество раз повторяется в западной литературе. При этом отрицательные черты дуализма усматриваются не в направленности соглашения 1867 г. против трудящихся всех национальностей Габсбургской монархии. Игнорируется реакционный характер соглашения, помешавшего проведению буржуазно-демократических реформ и превращавшего Австро-Венгрию в самое отсталое государство Западной Европы. Эти особенности дуализма и были одной из многих причин распада монархии. Одностороннее объяснение каким-либо отдельным событием внутренней или внешней политики не может дать понимания исторического процесса становления национальных государств в Юго-Восточной Европе. Между тем часть западных историков отрицает основную особенность дуализма, заключавшуюся в соглашении между правящими классами двух наций из числа многочисленных национальностей монархии и в создании тем самым привилегированного положения для австрийских капиталистов и венгерских помещиков. На Римском международном конгрессе историков (1955 г.) Гуго Ганч вообще отрицал наличие «угнетенных народов» в монархии Габсбургов. Он ссылаясь на ст. 19 конституционного закона и в особенности на то обстоятельство, что после введения всеобщего избирательного права не могло быть неравенства национальностей, так как все они были представлены в парламенте³⁹.

Конечно, Г. Ганч, побывавший в германском концлагере, лучше многих других историков знает разницу между формальным правом и возможностью его использования. Общеизвестно, что пресловутый § 14 конституции давал возможность правящей клике в любой момент распустить австрийский рейхсрат и издавать законы в порядке чрезвычайных декретов. Этой возможностью реакция пользовалась неоднократно. В частности, решение о вступлении в первую мировую войну во имя чуждых народам Австро-Венгрии интересов германского империализма было принято без всякого участия парламента, так как он был распущен в марте 1914 г. и не заседал до мая 1917 года.

В докладе на Римском международном конгрессе историков Г. Риттер подчеркивал, что тематика работ современных западногерманских историков диктуется политической обстановкой, в которой они находятся: «Историк нового времени чувствует себя всегда в первую очередь политическим историком... Разве могли катастрофы 1918, 1933 и 1945 гг. не отразиться на нем и на направлении его интересов? Эти катастрофы все более приближали историка к переживаемому им времени»⁴⁰.

Это замечание Риттера вполне применимо к изучению западногерманскими историками всего комплекса вопросов, связанного с Австро-Венгрией. Попытки искать в монархии Габсбургов прообраз интеграции Европы толкают многих западных историков на ложный путь модернизации и сомнительных аналогий с помощью сближения событий из совершенно различных исторических эпох. Этот метод приводит к тому, что на основе современности делаются выводы для прошлого: сторонники создания многонационального объединения в настоящее время стремятся во что бы то ни стало доказать правильность такого

³⁸ H. Steinacker. Österreich-Ungarn und Osteuropa. «Historische Zeitschrift». 1923, Bd. 128, Hf. 3, S. 380, 411.

³⁹ «Atti del X Congresso Internazionale». Roma. 1957, p. 660.

⁴⁰ G. Ritter. Leistungen, Probleme und Aufgaben der internationalen Geschichtsschreibung zur neueren Geschichte. «Relazioni». Firenze, 1955. Vol. VI, p. 213.

объединения в прошлом. Отсюда неизбежная идеализация Австро-Венгрии и нарушение элементарных правил исторического исследования. При этом отрицается или игнорируется то обстоятельство, что австрийская буржуазия превратилась в аванпост германского империализма в Юго-Восточной Европе и в проводника германизации народов этих стран. Австрийские пангерманцы были еще более безудержными сторонниками «Великой Германии», чем пангерманцы в самой Германии. Шенерер и Вольф явились несомненными предтечами Гитлера, и их появление именно в Австрии отнюдь не случайно. Но на этом пути не могла быть решена национальная проблема в монархии Габсбургов, а без решения национальной проблемы многонациональное государство не могло существовать бесконечно. Возникла непрерывная цепь национальных конфликтов, которые переплетались с социальными конфликтами. Необходимы были коренные преобразования, на которые были неспособны правящие классы полufeодальной монархии, являвшейся анахронизмом в условиях XX века. Идеализация этой монархии неоправданна и неаргументированна.

Идеализация Австро-Венгрии приводит многих западногерманских историков к выводу о незакономерности, нежелательности или случайности распада монархии, а отсюда, в свою очередь, возникает стремление доказать, что исчезновение Австро-Венгрии ухудшило положение населявших ее народов. Так возникают работы, направленные против национальных государств Юго-Восточной Европы. Эта тенденция во многом усиливается антикоммунизмом и желанием во что бы то ни стало очернить социалистические страны, народы которых якобы лучше жили при императоре Франце-Иосифе или даже во времена Меттерниха и самой черной реакции, чем при социализме, и что все неприятности и затруднения последних 50 лет объясняются революцией 1918 года. При этом ставят с ног на голову историческую действительность и, например, вторжение германского фашизма и временную его победу в Юго-Восточной Европе объясняют исчезновением Австро-Венгрии как великой державы, которая якобы могла оказать сопротивление. Но на самом деле уже накануне первой мировой войны монархия Габсбургов фактически превратилась в сателлита, а на протяжении 1914—1918 гг. — в вассала империалистической Германии, и заключение соглашений о политическом, военном и таможенном союзе должно было окончательно приковать Австро-Венгрию к колеснице германского империализма.